

Czas w kulturze rosyjskiej Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Czas w kulturze rosyjskiej
Время в русской культуре

Seria Antropologia Kultury Rosyjskiej
pod red. Andrzeja Dudka

Dotychczas ukazały się:

Rosyjskie dzieciństwo. Русское детство, pod redakcją Katarzyny Dudy i Andrzeja Dudka, Kraków 2015

Katarzyna Anna Duda, *Szkice o prozie rosyjskiej XXI wieku. Ulicka, Szyszkina, Pilewin, Minajew, Sienczyn, Kuricyn, Starobiniec...*, Kraków 2017

Czas w kulturze rosyjskiej

Время в русской культуре

pod redakcją
Andrzeja Dudka

Kraków 2019

© Copyright by individual authors, 2019

Recenzenci:

prof. dr hab. Tereza Obolevich (SBDNP)

prof. dr hab. Anna Woźniak

prof. dr hab. Joachim Diec

prof. dr hab. Zbigniew Greń

Redakcja

Helena Piecuch, Magdalena Romanowska

Koncepcja okładki

Marta Dudek

Opracowanie graficzne

Paweł Sepielak

ISBN 978-83-8138-138-3

DOI <https://doi.org/10.12797/9788381381383>

Publikacja dofinansowana przez Wydział Studiów Międzynarodowych i Politycznych
Uniwersytetu Jagiellońskiego

KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel./faks: 12 431 27 43, 12 421 13 87

e-mail: akademicka@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: www.akademicka.pl

Spis treści. Содержание

Andrzej Dudek , Czas w kulturze rosyjskiej. Uwagi wstępne.....	9
---	---

CZAS W JĘZYKU. JĘZYK W CZASIE ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ. ЯЗЫК ВО ВРЕМЕНИ

Ewa Komorowska , Frazeologizmy z wykładnikiem <i>время</i> w języku rosyjskim.....	23
Алла Лихачева , Фактор времени в современном российском городском номинативном дизайне.....	41

SAKRALNE I MITOLOGICZNE RYTMY CZASU САКРАЛЬНЫЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ РИТМЫ ВРЕМЕНИ

Елена Левкиевская , Время земное и время мифологическое в русских мифологических нарративах.....	55
Hanna Kowalska-Stus , Пространственное восприятие времени в кругу византийской культуры.....	65
Józef Kuffel , Aspekty temporalne w <i>Żywocie św. Kiryła Biełozierskiego</i>	77
Anna Kościółek , Пост в жизни и творчестве Андрея Муравьева	89
Наталья Мариевская , Историческое и сакральное время в структуре современного российского фильма. Звягинцев – Сокуров – Балабанов	101
Małgorzata Abassy , Człowiek w czasie i czas w człowieku. Fenomen czasu w ujęciu Jewdokiji Marczenko – „Radasteja”	115

KONCEPTUALIZACJE CZASU W ROSYJSKIEJ MYŚLI TEOLOGICZNEJ I FILOZOFICZNEJ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ БОГОСЛОВСКОЙ И ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ

Dymitr Romanowski , Александр Шмеман. <i>Sub specie aeternitatis</i>	133
Виктор Троицкий , Энантиодромия как обобщенная форма времени в русской культуре Серебряного века.....	149

Оксана Седых , Миг и вечность как антиномия: П.А. Флоренский и культура Серебряного века.....	157
Елена Тахо-Годи , Проблема времени в художественной прозе А.Ф. Лосева	171
Leszek Augustyn , Kultura transcendencji: czas egzystencjalny w ujęciu Mikołaja Bierdiajewa	181
Marta Lechowska , Маскарад как бегство от самого себя. Рассуждения Федора Степуна о человеке, времени и вечности	195
Roman Mnich , Проблема времени в философском литературоведении Дмитрия Чижевского	203

KULTUROZNAWCZE I HISTORYCZNE KONCEPTUALIZACJE CZASU КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Ирина Колесник , Категория времени в науке и культуре: рефлексии историка	217
Ирина Едошина , Эпоха <i>fin de siècle</i> : культурфилософские очертания	233
Александр Турыгин , Теория „переломного времени” Райнхарта Козеллека: возможности применения в изучении российской истории XVIII в.	249

CZAS JAKO ASPEKT ŻYCIA SPOŁECZNEGO ВРЕМЯ КАК АСПЕКТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Елена Самойлова , Локальные маркеры времени в традиционной культуре поморов XIX-XX вв.	265
Валентина Веремченко , Ощущение времени в концепте передовой педагогики в России в начале XX века	275
Ирина Синова , Революция 1917 года в России как фактор времени в контексте ретрансляции на повседневную жизнь	287
Алла Сальникова , „До” и „после”: репрезентация времени в детских автобиографических нарративах первого советского десятилетия	297
Татьяна Руюткина , Трансформация понятий „раньше” и „теперь” в народной памяти (по материалам „устной истории”)	307
Ильнара Ханипова , Реалии нового советского времени в деревне татарской АССР и их отражение в национальной литературе 1920-1930-х гг.	317
Kinga Nędza-Sikoniowska , „Czasie, naprzód!” Chronometraż w zakładzie pracy, w radzieckim społeczeństwie, w nowej rodzinie.....	331
Stanisław Fiszer , Концептуализация социального и исторического времени в позднем творчестве Александра Зиновьева	347
Иван Радиков , Проблема баланса потоков политического времени в развитии российского общества	355
Marian Broda , Paradoxy teorii rosyjskiej (nie)współczesności? Iwana Jesaulowa koncepcja mitologicznej dominanty w strukturach postsowieckiej codzienności	367

Anna Kadykało , Забыть Афган? Нет, невозможно. Об эволюции восприятия советско-афганской войны (1979-1989) в общественном сознании россиян и в российском политическом дискурсе	379
--	-----

TEMPORALNE ASPEKTY LITERACKIEGO OBRAZU ŚWIATA ВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Василий Щукин , Художественные модели времени в русской литературе XIX века (на материале избранных произведений классиков)	395
Михаил Строганов , Одолеть пространство временем. Время в русском тревелогe XIX века	405
Константин Баршт , Время и Апокалипсис в произведениях Ф.М. Достоевского	413
Magdalena Dąbrowska , Wiersz Michała Murawjowa <i>Noc</i> – tekst i konteksty	433
Елена Созина , Время и место. Феномен восьмидесятилетия и его рефлексии: М.Н. Альбов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, А.П. Чехов	443
Евгения Строганова , Тюремно-каторжные тексты И.П. Ювачева: особенности восприятия и репрезентации времени.....	455
Светлана Титаренко , Идея вечного возвращения Фридриха Ницше в поэзии русского символизма	465
Izabella Malej , „Жизнь и смерть в круженье вечном”. О metamorfozach czasu w twórczości Aleksandra Błoka	479
Йозеф Догнал , Роль времени в повести А.М. Ремизова <i>Часы</i>	495
Andrzej Dudek , Между мгновением и вечностью. Временные аспекты картины мира в творчестве Дмитрия Мережковского.....	505
Iwona Krycka-Michnowska , Wobec przemijania. <i>Jęgor Bułyczow i inni</i> Maksyma Gorkiego – próba (re)interpretacji	523
Monika Sidor , Czas historyczny i doświadczenie. Strategia opisu przeszłości w eposie <i>Czerwone Koło</i> Aleksandra Sołżenicyna	535
Kristina Vorontsova , Время как постмодернистская игра в повести Елены Шварц <i>Концерт для рецензий</i> : Гоголь, Довлатов и все-все-все	545
Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak , „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”. Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина	557
Martyna Kowalska , Хаос времени – время хаоса. Роль и значение времени в современной российской драматургии	573
Bartłomiej Brządkiewicz , Потерянный во времени. Сюжетные сложности современной русской прозы. Выбранные примеры.....	591

ELŻBIETA TYSZKOWSKA-KASPRZAK

WROCLAW, UNIwersYTET WROCLAWSKI

„Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни”

Метафизика времени в прозе Михаила Шишкина

„Time is a Disease for the Cosmos, and a Tree of Life for Us”.

The Metaphysics of Time in the Prose of Mikhail Shishkin

Abstract: The novels of Mikhail Shishkin: *The Taking of Izmail* (2000), *Maidenhair* (2005), *The Light and the Dark* (2010), often reflect the theories and beliefs of old philosophers about time. One can observe a special polyphony in the ideas about time – its essence, origin, and relation to eternity – which are presented in Shishkin’s works. The writer outlines different views connected with time, although he predominantly relies on the concepts of Plato, by distinguishing between time and eternity, and by recognizing the fleetingness of the material world and the permanence of the existence of the universe. The opposition of eternity and time, just like in the philosophy of the Greek thinker, has a binary character: the original – a copy, the real being – a likeness. The eternity of the soul and the provisional nature of the earthly life are particularly important in Shishkin’s worldview. The author also refers to the ideas of Saint Augustine, who developed Plato’s thought and incorporated it into Christian religious philosophy. The transience of the body, so often shown in the writer’s works, contrasts with eternity and the immortality of the soul. Time given to man on earth should serve his improvement, therefore the time of our worldly life should be deepened, not prolonged. Shishkin admits that the role of the writer is to leave the reader with the hope of achieving eternity.

Keywords: Mikhail Shishkin, Plato, Saint Augustine, time, eternity, soul

С древних времен в человеческом представлении о мире существовали две противоположные идеи. Гераклит, например, утверждал, что мир подвергается непрерывным изменениям, тогда как Парменид заявлял, что время и движение не существуют. На протяжении многих веков взгляды Парменида разделяли лишь немногие мыслители и ученые, но были и такие, кто,

отрицая существование времени, пытался доказать, что изменения мира являются только иллюзией¹. Размышления Гераклита и Парменида оказывали влияние на становление философской мысли в течение многих столетий посредством определения некоторых основных онтологических и эпистемологических вопросов, прежде всего – о разделении двух видов бытия: истинного и мнимого². Проблема времени нашла существенное место в миропонимании Платона, а позже – Аврелия Августина Иппонийского, продолживших рассуждения своих предшественников и совместивших время и вечность в одной концепции мира³. Со времен возникновения первых систем философии природы вплоть до новейших теорий физики заметно стремление понять отношение между тем, что подлежит изменениям, и тем, что неизменно, уловить связь между временем и вечностью⁴.

Отголоски взглядов и убеждений давних мыслителей о времени нередко находят свое отражение в литературных произведениях, в том числе и в романах Михаила Шишкина. В его прозе восприятие времени является одной из центральных проблем, которой подчинена структура произведений⁵. В представлениях о времени, его возникновении, существе и отношении к вечности, изображаемых в шишкинской прозе, можно отметить своеобразную полифонию (по определению Михаила Бахтина⁶). Взгляды на тему разных категорий времени в мире и жизни складываются на особую метафизику времени писателя⁷.

¹ См., напр., работу современного физика Джулиана Барбура о конце времени: J. Barbour, *Koniec czasu. Nowa rewolucja w fizyce*, пер. T. Lenczewski, Kraków 2018.

² G.E.R. Lloyd, *Czas w myśli greckiej*, перев. B. Chwedeńczuk, [w:] *Czas w kulturze*, ред. A. Zajączkowski, Warszawa 1988, с. 226-229.

³ G. Mitrowski, *Kosmos – Bóg – Czas*, Katowice 1993, с. 119-129.

⁴ A. Łukasik, *Czas i wieczność w filozofii przyrody*, „Ethos” № 99 (2012), с. 187.

⁵ На этот факт обращает внимание Илона Мотеюнайте в статье *Слово как способ преодоления времени в романах Михаила Шишкина и Евгения Водолазкина*, [в:] *Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин*, ред. А. Скотница и Я. Свежий, Краков 2017, с. 227-228.

⁶ М.М. Бахтин, *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва 1963. Диалогизм в романах Шишкина можно определить вслед за Бахтиным как „полифонический принцип построения целого” (М. Бахтин, *Проблемы...*, с. 58). Произведения писателя, создаваемые как одна КНИГА, составлены из множества историй различных героев. Они, на первый взгляд, ничем не связаны между собой, но на самом деле эта коллекция событий, воспоминаний, впечатлений создает образ мира, космоса, а разные, часто противоречащие друг другу, взгляды представляют разнообразие понимания мира. См. также: А.А. Сыродеева, *Полифония как принцип целостности*, „Вопросы философии” 2008, № 3, с. 172-175.

⁷ См. H. Buczyńska-Garewicz, *Metafizyczne rozważania o czasie. Idea czasu w filozofii i literaturze*, Kraków 2003, с. 7-8.

Важной проблемой в рассуждениях о времени оказалось сотворение мира и связанного с этим времени. В древнегреческой философии природы, главным образом под влиянием мысли Парменида, стала актуальной парадигма, согласно которой быт не может возникнуть из ничего. Платон утверждал, что материя вечна, а Демиург, создавая мир, только сформировал ее. Следуя этой идее, Тит Лукреций Кар писал, что „Ничто не возникает из ничего”, „За основание тут мы берем положение такое: / Из ничего не творится ничто по божественной воле”⁸.

Начало последнего на сегодняшний день романа Шишкина – *Письмовник* (2010) – изображает сотворение мира, причем здесь важна мысль о существовании материи до акта создания вселенной с помощью слова, что свидетельствует и о существовании времени до этого:

Пишут, что в начале снова будет слово. А пока в школах еще по старинке талдычат, что сперва был большой взрыв и все сущее разлетелось.

Причем все, якобы, существовало уже до взрыва – и все еще не сказанные слова, и все видимые и невидимые галактики. Так в песке уже живет будущее стекло, и песчинки – семена вот этого окна, за которым как раз пробежал мальчишка с мячом, засунутым под футболку.

Это был такой сгусток тепла и света⁹.

Этот образ соответствует атомистической концепции материи Платона, утверждавшего, что мир был создан Демиургом из вечно существующей материи. Таким образом, Демиург, по мнению философа, является скорее божественным строителем, а не создателем¹⁰. Следовательно, Платон разделял вечное и временное, то есть возникающее и исчезающее, а значит – не сущее и на самом деле не существующее:

Представляется мне, что для начала должно разграничить вот какие две вещи: что есть вечное, не имеющее возникновения бытие и что есть вечно возникающее, но никогда не сущее. То, что постигается с помощью размышления и рассуждения, очевидно, и есть вечно тождественное бытие; а то, что

⁸ Тит Лукреций Кар, *О природе вещей*, перев. Ф.А. Петровского, [online:] https://nsu.ru/classics/bibliotheca/lucetius.htm#%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0_1 (12.08.2018).

⁹ М.П. Шишкин, *Письмовник*, Москва 2016, с. 5. В дальнейшем цитаты из этого произведения буду приводить по тому же изданию с указанием в скобках инициала заглавия П и номера страницы.

¹⁰ Платон, *Тимей*, перев. С.С. Аверинцева, [в:] его же, *Сочинения в четырех томах*, т. 3, ч. 1, Санкт-Петербург 2007, с. 508.

подвластно мнению и неразумному ощущению, возникает и гибнет, но никогда не существует на самом деле¹¹.

В свою очередь, в основании христианской доктрины о мироздании лежит учение о сотворении мира из небытия – благодаря волевому акту безначального и бесконечного Бога. Творение из ничего является догматом христианства. Эта вера нашла свое выражение в Библии, во Второй книге Маккавеев: „Посмотри на небо и землю, и, видя все, что на них, познай, что все сотворил Бог из ничего” (2 Мак. 7:28). С актом сотворения мира связано и создание Богом времени. Как утверждал Блаженный Августин, в начале были созданы небо и земля. Их способность меняться, наряду с фактом самого начала, указывает на их временность, так как то, что вечное – неизменно, и нет у него начала. Все то, что подлежит изменениям, имеет свое начало, значит – существует во времени, а время возникает вместе с созданным бытием. „Не было времени, когда бы Ты не создавал чего-нибудь; ведь создатель самого времени Ты”¹², – писал философ в *Исповеди*.

Шишкин обращается к теории Августина в эссе *Человек как объяснение света в любви* (2004), в котором пишет: „Блаженный Августин назвал Бога как творца времени термином, звучащим для наших ушей «фотографически», – оператор. Запуск времени есть одновременно запуск смерти, как запуск механизма таймера влечет за собой отсроченное срабатывание затвора”¹³.

Концепция сотворения мира из ничего существенным образом отличает религиозную мысль от философских попыток понять отношение между временем и вечностью. Отражение этих рассуждений можно найти в произведениях Шишкина; например, в романе *Взятие Измаила* (2000) представлен образ сотворения мира из пустоты, а момент создания времени связан с возникновением вселенной:

Представьте себе, мои юные друзья, что ничего нет. Абсолютно ничего. [...] Абсолютная чернота. Пустота и тьма – необходимое условие для сотворения мира. Да еще ледяной сквозняк, да еще трясет, как в вагоне белебейской узкоколейки. И такая тоска! И вот все вроде бы для миротворения есть, потому что ничего нет, но чего-то не хватает. Какой-то искры, что ли. И вот эту тоскливую башкирскую черноту рвет вдруг искра. Сверкнув, гаснет. Потом снова искра, и снова, будто кто-то чиркает спичками, какое-то первосуше-

¹¹ Там же, с. 510.

¹² Августин, *Исповедь*, перев. М.Е. Сергеенко, Санкт-Петербург 2013, с. 181.

¹³ М.П. Шишкин, *Человек как объяснение света в любви*, [в:] его же, *Пальто с хлястиком: Короткая проза, эссе*, Москва 2017, с. 211.

ство, прабог-искровержец, этакий Перун. Чиркает и ругается – отсырели. И тут у него из уха, или из бедра, как это принято в ранних, наивных, но, согласитесь, весьма трогательных мифологиях, во всяком случае не сравнить с бескрылым триединством, или, допустим, из пупка – все равно в такой темноте не разберешь – появляется его визави, всеночный сосед, бог-супротивник, живолуб и неслух, одним словом, Велес. Откашливается, ворочается, кряхтит, вздыхает и рождает время:

– Сейчас, наверно, уже около семи. Как бы не проехать!¹⁴

В этом образе писатель соединяет языческие верования с отличающим христианскую философию от древних политеистических религий догматом: мир сотворяется из ничего, из пустоты, но создателями вселенной являются Перун и Велес – самые важные в пантеоне славянских языческих богов.

В теории возникновения мира немаловажным фактором является причинность. Платон подчеркивал, что ничто не появляется без причины¹⁵, а мысль эту принял в своих рассуждениях Блаженный Августин: „Ты Бог и Господь всего создания Твоего, – стойки у Тебя причины всего нестойкого, неизменны начала всего изменяющегося, вечен порядок беспорядочного и временного”¹⁶.

Шишкин усматривает эту первую причину в любви Бога, в необходимости любить: „Первопричина времени – в операторе, в творце мира. Первопричина творца – в потребности любви”¹⁷, – пишет в одном из эссе, а в романе *Письмовник* убеждает: „В начале была любовь. Такой сгусток любви. Вернее, даже не любовь еще, а потребность в ней, потому что любить было некого. Богу было одиноко и холодно. И вот эта любовь требовала исхода, объекта [...]”¹⁸. К этой мысли относится и фрагмент романа *Письмовник*, послуживший заглавием для настоящей статьи: „Время для космоса болезнь, а для нас – древо жизни” (П, с. 305).

¹⁴ М.П. Шишкин, *Взятие Измаила*, Москва 2001, с. 8-9. В дальнейшем цитаты из этого произведения буду приводить по тому же изданию с указанием в скобках инициала заглавия ВИ и номера страницы.

¹⁵ Платон писал в *Тимее*: „Однако все возникающее должно иметь какую-то причину для своего возникновения, ибо возникнуть без причины совершенно невозможно”. Платон, *Тимей*..., с. 510.

¹⁶ Августин, *Исповедь*..., с. 9.

¹⁷ М.П. Шишкин, *Человек*..., с. 211.

¹⁸ М.П. Шишкин, *Венерин волос*, Москва 2005, с. 304-305. В дальнейшем цитаты из этого произведения буду приводить по тому же изданию с указанием в скобках инициала заглавия ВВ и номера страницы. Этот фрагмент писатель приводит тоже в одном из эссе: М.П. Шишкин, *В лодке, нацарапанной на стене* [2008], [в:] его же, *Пальто с хлястиком*..., с. 191.

В восточном христианстве дерево жизни представляет собой любовь Бога. По преподобному Исааку Сирину, „Рай есть любовь Божия, в которой наслаждение всеми блаженствами”, и „дерево жизни есть любовь Божия”¹⁹. В Библии „дерево жизни” ставится на первый план среди всех деревьев рая; плоды его обладали чудесным свойством – сообщали вкушавшим их вечную бессмертную жизнь (Быт. 2:9 и 3:22). „Дерево жизни” имеет еще и символическое значение – у святых отцов чаще всего оно сопоставляется с крестом Христовым, а также и с таинством евхаристии, которая обещает верующим вечную жизнь в духовном смысле²⁰. В категории символа рассматривал образ „древа жизни” и Блаженный Августин: „[...] деревом жизни пророчески назван сам Христос, потому что Он есть Премудрость Божия, о которой Соломон говорит: «Она – дерево жизни для тех, которые приобретают ее» (Притч. 3:18)”²¹.

Писатель сравнивает таким образом время с божественной благодатью – время делает человека смертным в физическом смысле, но одновременно приближает его к бессмертию, поскольку душа после смерти обретает вечность. В *Письмовнике* автор разделяет вечность и время жизни человека, народа, цивилизации: „А смерть – это борьба космоса со временем, с нами. Ведь что такое космос? Это ведь по-гречески порядок, красота, гармония. Смерть – это защита всеобщей красоты и гармонии от нас, от нашего хаоса” (П, с. 305). Сопоставление вечность – время, где время является несовершенным подражанием образца – вечности, восходит к мысли Платона, который впервые попытался дать метафизическое обоснование понятия времени, сопоставив его с вневременной вечностью.

Время, таким образом, предстало как подобие вечности в эмпирическом мире становления и, стало быть, как нечто не только отличное от вечности, но и причастное к ней. Не случайно Платон называет время „вечным же образом”: время создано для того, чтобы по возможности уподобить творение-космос его сверхчувственному образцу²².

¹⁹ Аввы Исаака Сирина слова подвижнические, Москва 1993, с. 397, цит. по: Митрополит Иерофей, *Святые отцы о рае и аде*, [в:] Православный интернет-журнал „Преображение”, [online:] http://www.pravzhurnal.ru/Preobrazhenie/Zhizn_i_smert/svyatye_otsty_o_rae_i_ade.html (10.09.2018).

²⁰ А.И. Покровский, *Дерево жизни*, [в:] Православная богословская энциклопедия, т. 5, Петрозаводск 1904, [online:] <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaia-bogoslovskaja-jen-ciklopedija/tom-5/drevo-zhizni.html> (12.09.2018).

²¹ Аврелий Августин, *О граде Божием*, ч. IV, кн. 19-22, перев. не указан, Москва – Берлин 2016, с. 145.

²² П.П. Гайденок, *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке*, Москва 2006, с. 25.

Время и вечность различал в своих рассуждениях также и Блаженный Августин, для которого существенной проблемой стало отношение между тем, что постоянно изменяется во времени, и тем, что неизменно, а значит – вечно. Если для Платона вечность как образец была определенной, а время – подвижным и неопределенным, то для Августина наоборот – лишь то, что существует во времени, конкретно и определенно, а вечное является аморфным и абсолютным:

Они пытаются понять сущность вечного, но до сих пор в потоке времени носится их сердце и до сих пор оно суетно. Кто удержал бы и остановил его на месте: пусть минуту постоит неподвижно, пусть поймает отблеск всегда недвижимой сияющей вечности, пусть сравнит ее и время, никогда не останавливающееся. Пусть оно увидит, что они несравнимы: пусть увидит. Что длительное время делает длительным множество преходящих мгновений, которые не могут не сменять одно другое; в вечности ничто не преходит, но пребывает как настоящее во всей полноте; время, как настоящее, в полноте своей пребывать не может²³.

В шишкинской концепции времени самое важное – разделение на вечность, космическое время и личное время, время жизни отдельных людей. Размышляя о сущности искусства, литературы, писатель разделяет вечность – как идеальное, абсолютное – и мгновение (часть времени) – как несовершенное, ненастоящее:

Наверно, все книги не о смерти, а о вечности, но только вечность у них не настоящая – какой-то обрывок, миг – как цокотуха в янтаре. Присела на минутку задние лапки почесать, а вышло, что навсегда. Конечно, они выбирают разные прекрасные мгновения, но разве не страшно остаться вот так, вечным, фарфоровым – как пастушок все тянется поцеловать пастушку (П, с. 15).

В другом произведении в рассуждениях о российской нации также появляется подобное разделение, причем вечность писатель связывает с Богом: „Ибо идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности” (ВИ, с. 319). Заметно здесь напряжение между человеческим временем и божественной вечностью.

Шишкинские герои неоднократно задаются вопросом о сущности времени, различая бесконечное время космоса и время своей жизни. Чаще всего они приходят к выводу, что время как идея существует исключительно благодаря концепции мира, созданной человеком:

²³ Августин, *Исповедь...*, с. 181.

О чем я? О том, что нет времени.

Ну да, есть часы и минуты, а время – это ведь мы. Без нас время разве существует? То есть мы лишь форма существования времени. Его носители. И возбудители. Получается, что время – это такая болезнь космоса. Потом космос с нами справится, мы исчезнем, и наступит выздоровление. Время пройдет, как ангина. (П, с. 304).

Суть времени – это изменение, преходимость, бренность, – то, что Августин противопоставляет вечности – спокойной, постоянной, неизменной. В прозе Шишкина время характеризуется по контрасту с вечностью – оно неустойчиво, беспокойно. Времени свойствен переход от присутствия к отсутствию и от отсутствия к присутствию. Герои произведений писателя ясно и четко осознают тленность жизни и ощущают течение времени – в их сознании сосуществуют три временные пласты: прошлое, настоящее, будущее. Персонажи Шишкина живут в определенное время, но постоянно возвращаются мысленно в прошлое, делятся им с другими, пишут воспоминания. Одновременно они обращены и к будущему – делают планы, о чем-то мечтают, к чему-то стремятся. В изображении действующих лиц проявляется шишкинская концепция отношений времени и человека, формируемого не только прошлым, но и будущим и представлением о нем.

Романные герои непрерывно испытывают воздействие изменений, которые приносит время, – в их жизни появляются новые люди, рождаются дети, растут, кто-то уходит, родители стареют, умирают. Но необратимое течение времени герои ощущают и на собственном теле, которое, изменяясь, напоминает о бренности жизни²⁴: „Тело так быстро проходит” (ВВ, с. 509) – с тревогой констатирует героиня *Венериного волоса*, а главный герой *Письмовника* вспоминает ужас, с которым он осознал природу человеческого тела: „Знаешь, отчего стало страшно в первый раз – мне было четырнадцать или пятнадцать – оттого, что вдруг пришло озарение: мое тело тянет меня в могилу. Каждый день, каждое мгновение. С каждым вдохом и каждым выдохом” (П, с. 210). Писатель подчеркивает непрерывное воздействие времени на человека:

Читал о реинкарнации, потом решил побриться. Смотрю на свою седую щетину и понимаю, что переселение душ происходит постоянно, просто мы переселяемся сами в себя. Был мальчик, стал старик, и душа переселялась из тела в тело бесчисленное количество раз – каждое утро. Тело незаметно за ночь становится другим (П, с. 382).

²⁴ О представлении Шишкиным влияния времени на тело пишу в статье: E. Tyszkowska-Kasprzak, „Смерти ведь – и дурак знает – нет, но есть разложение тканей”. *Телесный аспект смерти в прозе Михаила Шишкина*, „Slavica Wratislaviensia” № 167 (2018), с. 565-589.

Прислушиваешься ночью к часам – как они забирают жизнь. [...] И вот среди бессонницы стоишь в ванной голый, стареющий – перед зеркалом. Смотришь на тело – предающее. [...] И думаешь – скоро умирать. Как так получилось? (П, с. 381).

Время в романах Шишкина ощущается как пожирающее, поглощающее жизнь людей и их самих:

И зеркало на рассвете из безобидного предмета вдруг стало тем, чем оно было на самом деле – глоткой времени. Заглянешь в него всего через минуту – а оно уже эту минуту проглотило. И моей жизни на эту минуту стало меньше (П, с. 211).

Время – это что-то вроде машинки уничтожения. „Настольная гильотинка, если хотите. Что-то вроде хлебoreзки. Каждой секунде отрезают голову. Только появится – вжик!” (ВВ, с. 315).

Несмотря на пессимистическое восприятие ухода времени отдельными персонажами, писатель в своей концепции личного времени заставляет смотреть в будущее. Такое направление свойственно христианскому мировоззрению, поскольку теоцентрическая философия на первый план выдвигает прошлое и будущее, точнее – начало и конец в отношении к вечности, а в случае человека – к бессмертию. Следовательно, основной позицией по отношению к времени является устремление к будущему, и это определяет горизонт понимания абсолюта²⁵. Согласно святому Августину, человеческая жизнь – это лишь краткий путь, ведущий к совершенствованию, необходимому для достижения вечной жизни в Боге. „Вечность в Боге, истинное «что» времени для Августина, превращает темпоральный поток в «двери Мессии», пустое временение становится мессианским – временем до конца времени, временем на то, чтобы стать совершенным”²⁶. Время существует для человека постольку, поскольку оно необходимо для спасения, а всё, в нем происходящее и случившееся, должно только обнаруживать Бога. Епископ Гиппонский ввел понятие *distention animi* (растяжение души), под которым подразумевал время как вечность в Боге. „Человек брошен в границах времени, только чтобы оказаться за ними. Поистине, была только Вечность, перед которой все время прошло в мгновение ока, жалось до размеров точки спасения”²⁷.

²⁵ A. Neher, *Wizja czasu i historii w kulturze żydowskiej*, перев. B. Chwedeńczuk, [в:] *Czas w kulturze...*, с. 266.

²⁶ Дж. Агамбен, *Apostolos. (Из книги „Оставшееся время: Комментарий к «Посланию к римлянам»)*, перев. С. Козлова, „Новое литературное обозрение” № 46 (2000), с. 49-70.

²⁷ С.Т. Кругликов, *Время и временность: Августин, Кант, Хайдеггер*, „Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право” 2017, № 1, с. 24-29.

Романы Шишкина оставляют читателю надежду на спасение и обретение вечности, их герои неоднократно высказывают различные мнения на тему вечной жизни и отрицают смерть. Литературный критик Майя Кучерская предлагает читать *Венерин волос* в ключе христианского обещания²⁸. Сам писатель толковал роль искусства следующим образом:

[...] художник должен взять на себя весь этот ужас мира, сделать с ним что-то, что и является тайной искусства, и дать мне, как зрителю или читателю, ощущение, что Бог есть, что все существует не просто так, и я, получив это, уйду просветленным с чувством радости и человеческого тепла²⁹.

Индивидуальное, личное время отдельных персонажей накладывается на космическое время – самое значимое в шишкинской концепции. Исследователи прозы писателя обращали внимание именно на этот аспект построения мира, определяя его как полифонию³⁰, как мозаику и принцип пазла³¹, наконец – как аннулирование времени³². Шишкинские романы построены на основе центона, коллекции отдельных историй и событий. Эта форма позволяет совместить в одном произведении истории героев, живущих в разное, нередко отдаленное, время. Сюжетные линии, переплетающиеся в литературных текстах, разворачиваются в разных эпохах, но и они не однородны, – писатель зачастую соединяет героев, принадлежащих к разному времени; например, во *Взятии Измаила* в XX век попадают Гиперид и древнеегипетские персонажи, в *Венерином волосе* ведется переписка с вавилонским царем Навуходоносором (по-шишкински, Навуходонозавром), беглецы-чеченцы встречают отступающие войска Кира и Артаксеркса (историю битвы при Кунаксе записал в мемуарах *Анабасис* участник похода Ксенофонт), а в основу композиции *Письмовника* положена переписка героев, живущих: один в самом начале, а другой во второй половине XX века.

Темпоральные конструкции в романах Шишкина базируются на непрерывном соединении времен – прошлое и будущее становятся настоящим. Илона Мотеюнайте замечает обильное употребление писателем выражения

²⁸ См. М.А. Кучерская, „Бог сохраняет все, особенно – слова...”, „Критическая масса” 2005, № 2, [online:] <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ku4.html> (5.07.2017).

²⁹ М.П. Шишкин, „Написать свою Анну Каренину”. Интервью, „9 Канал”, 05.12.2010, [online:] <http://9tv.co.il/news/2010/12/05/89804.html> (20.12.2017).

³⁰ Н.Б. Иванова, *Можно ли перепатриотичить патриота?*, „Полит.Ру”, [online:] <http://www.polit.ru/culture/2005/07/26/ivanovashishk> (10.08.2018).

³¹ С.Н. Лашова, *Принцип пазла: язык и хронотоп в прозе М. Шишкина*, „Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология”, № 6 (2010), с. 186-190.

³² О.Г. Ревзина, *Хронотоп в современном романе*, [в:] *Художественный текст как динамическая система*, отв. ред. Н.А. Фатеева, Москва 2006, с. 265-279.

все время, которое наводит на мысль о стремлении „подчинить переживаемому моменту время вообще, расширить миг до вечности”³³. В произведении *Взятие Измаила* автобиографический герой-повествователь обращается к Гипериду – ученику Платона: „Гиперид! О чем ты? [...] И потом, ведь нет никакого вчера, ни позавчера, ни третьего дни. [...] Есть только сейчас, сам-то не видишь разве? У времени сорвалась резьба. Оно прокручивается, как гайка” (ВИ, с. 226).

Благодаря подобной структуре повествования создается впечатление, что все рассказанные истории происходят в одно время, а герои жили и живут всегда. Повествователь в рассказе *Пальто с хлястиком* (2010) признается, что иногда ощущает цельность мира, и тогда прошлое и будущее представляются ему как единство: „Начинаешь дышать в такт с пространством, в котором все происходит одновременно – и бывшее, и еще не наступившее”³⁴. В такие моменты озарения повествователь освобождается от временного порядка и замечает „вечное сейчас” мира и себя самого: „В такую минуту увидеть собственную смерть – пустяк, потому что предстает в своей восхитительной очевидности знание, что я никогда не рождался, а был всегда”³⁵.

Похожие впечатления возникают и у героини *Венерино волоса*, дающей объяснение этому явлению:

Никак не могла раньше понять, как это все может происходить одновременно: вот я сейчас здесь, с лупой в руках, и в то же время я там, прижимаю его к себе и чувствую, что теряю сознание, умираю, вдохнуть не могу. А теперь понимаю, что все просто. Все всегда происходит одновременно. [...] Дело же не в стрелках на часах! Их можно перевести и туда, и обратно. Дело в часовых поясах. Шаги циферблата. Все происходит одновременно, просто на всех часах стрелки разбежались, кто куда горазд (ВВ, с. 531).

В *Письмовнике* Сашеньку, читающую газету, привлекают новости, между прочим, о научных открытиях:

Еще опытным путем выяснили, что со временем какая-то петрушка. События могут выступать в любой последовательности и происходить с кем угодно. Можно одновременно на кухне зудеть на гребешке с папиросной бумагой так, что чешутся губы, и в то же время на совсем другой кухне читать письмо от человека, которого больше нет. [...] И вообще, уже древними подмечено, что с годами прошлое не удаляется, а приближается (П, с. 288).

³³ И.В. Мотеюнайте, *Слово как способ...*, с. 231.

³⁴ М.П. Шишкин, *Пальто с хлястиком*, [в:] его же, *Пальто с хлястиком...*, с. 10.

³⁵ Там же.

Персонажи Шишкина замечают, что время потеряло свой линейный характер, что они сами на себе испытывают отсутствие последовательности рационально понимаемого времени. В *Венерином волосе*, например, повествователи заявляют:

[...] в нашем безграничье что-то не так со временем (ВВ, с. 104); Но время и пространство ветхи, истерты, непрочны. Вдруг обо что-то зацепятся – о твою ветку ежевики? И порвется. А в эту прореху может вывалиться что угодно, хоть древние греки³⁶ (ВВ, с. 77).

В свою очередь, в *Письмовнике* герой так объясняет свойства времени:

Помню, читаю в „Гамлете”: „Распалась связь времен”. И мне все было ясно. Что тут не понять? А по-настоящему здесь только понял. Теперь знаю, что он имел в виду.

Знаешь, о чем на самом деле писал Шекспир? О том, что эта связь восстанавливается, когда мы снова встретимся и я положу тебе голову на колени³⁷ (П, с. 359).

В романах автора *Взятия Измаила* создан особый пространственно-временной континуум, в котором несвязанные друг с другом истории и события „складываются в гармоничную картину мира с единым нелинейным временем „прошло-настояще-будущее””³⁸. Это „вечное сейчас” символически выражено в *Письмовнике* как повторяющееся в разных моментах фабулы „без десяти два” – одно и то же время для разных героев, событий, эпох:

³⁶ В *Венерином волосе* среди событий XX века действительно появляются древние греки: „Прямо на снегу горели костры, около которых спали какие-то люди. Это были эллины [...]. Греки поделились с чеченцами тем немногим, что у них было. Ксенофонт, как мог, объяснил этим замерзшим, уставшим, изголодавшимся людям, не понимавшим эллинской речи, что он ведет своих греков к морю [...] и наутро они вместе отправились дальше в путь” (ВВ, с. 331).

³⁷ Писатель высказывался на эту тему в одном из интервью: „У времени есть одна особенность: оно рано или поздно рвется. «Распалась связь времен» – хоть раз в жизни это испытывает каждый, а не только датский принц. Мир разваливается. Видимое становится невидимым и наоборот. Вроде бы надежное превращается в труху. В этом рассыпавшемся времени человек и становится человеком. Это время не условное, а настоящее”; „В этот момент и начинается мой *Письмовник*. Он и она пишут друг другу письма. Это для них единственная возможность остановить распад, разложение бытия. И читающий эту переписку становится тем самым звеном, которое соединяет разорванное время” (М.П. Шишкин, „Смерть, как жизнь, внесловесна”, [online:] <http://www.timeout.ru/msk/feature/15073> (5.08.2018)).

³⁸ С.Н. Лашова, *Принцип пазла...*, с. 190.

Он подарил мне часики – детские, ненастоящие, с нарисованными стрелками. Я смотрю на них с гордостью и отвечаю: – Без десяти два. На них всегда без десяти два (П, с. 46).

Я запомнила, как она загорала, раздвинув ноги – без десяти два (П, с. 47).

Просто, наверно, люди делятся на тех, кто понимает, как это возможно, что вот я иду чайку попить и в те же без десяти два земля вертится, причем не находят в этом никакого противоречия, и на тех, кто не может этого понять вообще и никогда (П, с. 92).

А часы все только и могут, что верещать, как кузнечики, показывают кто во что горазд, тогда как давно известно, что без десяти два (П, с. 288).

Только прилег с тетрадкой, задумался, погрыз карандаш, взглянул на часы, а уже без десяти два! Ты же меня ждешь! (П, с. 396).

В такой концепции времени человеческая жизнь проходит в линейном времени, но ей свойственно и круговое время: наряду с настоящим, человека сопровождает и время воспоминаемое, благодаря чему прошлое присутствует в настоящем. Существует и время ожидаемое и воображаемое, не только придающее смысл настоящему, но и позволяющее увидеть прошлое сквозь призму проекции. История движется в линейном времени, если учесть ее хронологическое измерение. Однако герменевтическое восприятие истории как наслаивания очередных толкований и интерпретаций, рождаемых каждым новым настоящим временем, предполагает круговое время. Сама жизнь в своем историческом измерении является смешением прошлого и будущего и их взаимного воздействия, значит она – круговая, а не линейная³⁹.

Такую теорию времени жизни и космоса Шишкин представляет в виде музея в романе *Взятие Измаила*:

Собирание начинает и современная наука; она собрала лишенных жизни животных, высушенные растения, минералы и металлы, извлеченные из их естественных месторождений, – все это в виде обломков, осколков, гербариев, чучел, скелетов, манекенов и проч. – в особые кладбища, названные музеями. Однако уничтожить музей нельзя: как тень, он сопровождает жизнь, как могила, стоит за всем живущим.

Всякий человек носит в себе музей, носит его даже против собственного желания, как мертвый придаток, как труп, как угрызения совести; ибо хранение – закон коренной, предшествовавший человеку, действовавший еще до него. [...] Дать священное направление мысли человеческой и ставить себе целью собирание всех людей в общий отеческий дом, в музей, в дом Отца не-

³⁹ Н. Buczyńska-Garewicz, *Metafizyczne rozważania...*, с. 7-8.

бесного, Бога всех земных отцов, в дом, который, будучи музеем, есть в то же время и храм (ВИ, с. 322-323).

В свою очередь, в *Письмовнике* образно представлено наслоенное время: „И время все никак не дает исследователям покоя. Ведь давно опытным путем выяснили, что оно заполняет собой пространство не до краев, как жидкая каша, а с горкой, как густая” (П, с. 361).

Польский исследователь творчества Шишкина Анна Скотницка утверждает, что организующим началом прозы писателя является „принцип экзистенциального и художественного характера: автор обеспокоен положением человека, им движет тоска по полноте, целостности без разделений, как будто мечта о возвращении в рай, в котором все едино, еще нет двойственности, различий, разделений, дифференциации”⁴⁰. Возможно, эта тоска побуждает шишкинских повествователей к тому, чтобы оказаться над временем, освободиться от него и с вневременного ракурса увидеть мир и свою жизнь.

Рассуждения Михаила Шишкина на тему времени всегда сопряжены с мыслью о человеке и его экзистенции. Писатель рассматривает проблему времени с антропологической точки зрения и пишет о времени в онтологическом смысле. По его признанию, несмотря на то, что, его понимание времени, жизни с ее брэнностью, смерти изменялось, в центре рефлексии всегда оставался человек:

В *Измаиле* для себя я отвечаю, что смерть – это враг. Или вернее так, что жизнь – это враг. Жизнь нужно брать как крепость. Со смертью нужно бороться [...]. Потом в *Венерином волосе* ты понимаешь, что [...] главный враг – это время. Нужно бороться со временем, преодолевать время. Царь Ирод – это время, которое пожирает своих детей. Нужно быть Ксенофонтом, который приводит греков к океану бессмертия. [...] Сейчас в новом романе *Письмовник* на все эти вопросы ответы пришли уже совсем другие: смерть – это не враг. Это дар, это великое счастье. Особенно смерть близких людей, которых ты любишь. Дар, который помогает тебе понять, кто ты, зачем ты здесь, что задумано тобой, твоим появлением на свет⁴¹.

⁴⁰ А. Скотницка, *Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина*, [в:] *Знаковые имена...*, с. 73.

⁴¹ М.П. Шишкин, „Писатель должен ощутить всесилие”. Беседовал Сергей Иванов, „Контракты.UA”, 04.08.2010, [online:] <http://kontrakty.ua/article/37875> (5.08.2018).

Библиография

- Аввы Исаака Сирина слова подвижнические, Москва 1993, цит. по: Митрополит Иерофей, *Святые отцы о рае и аде*, Православный интернет-журнал „Преображение”, [online:] http://www.pravzhurnal.ru/Preobrazhenie/Zhizn_i_smert/svyaty_e_otsty_o_rae_i_ade.html.
- Августин, *Исповедь*, перев. М. Е. Сергеев, Санкт-Петербург 2013.
- Августин Аврелий, *О граде Божием*, ч. IV, кн. 19-22, перев. не указан, Москва – Берлин 2016.
- Агамбен Дж., *Apostolos. (Из книги „Оставшееся время: Комментарий к «Посланию к римлянам»)*”, перев. С. Козлова, „Новое литературное обозрение” № 46 (2000).
- Бахтин М.М., *Проблемы поэтики Достоевского*, Москва 1963.
- Гайденко П.П., *Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке*, Москва 2006.
- Иванова Н.Б., *Можно ли перепатриотичить патриота?*, „Полит.Ру”, [online:] <http://www.polit.ru/culture/2005/07/26/ivanovashishk>.
- Кругликов С.Т., *Время и временность: Августин, Кант, Хайдеггер*, „Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право” 2017, № 1.
- Кучерская М.А., „Бог сохраняет все, особенно – слова...”, „Критическая масса” 2005, № 2, [online:] <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ku4.html>.
- Лашова С.Н., *Принцип пазла: язык и хронотоп в прозе М. Шишкина*, „Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология” 2010, № 6.
- Мотейунайте И.В., *Слово как способ преодоления времени в романах Михаила Шишкина и Евгения Водолазкина*, [в:] *Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин*, ред. А. Скотница и Я. Свежий, Краков 2017.
- Платон, *Тимей*, перев. С.С. Аверинцева, [в:] его же, *Сочинения в четырех томах*, т. 3, ч. 1, Санкт-Петербург 2007.
- Покровский А.И., *Дерево жизни*, [в:] *Православная Богословская Энциклопедия*, т. 5, Петроград 1904, [online:] <http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/pravoslavnaia-bogoslovskaja-jenciklopedija/tom-5/drevo-zhizni.html>.
- Ревзина О.Г., *Хронотоп в современном романе*, [в:] *Художественный текст как динамическая система*, отв. ред. Н. А. Фатеева, Москва 2006.
- Скотница А., *Между утратой и надеждой. Книга книг Михаила Шишкина*, [в:] *Знаковые имена современной русской литературы. Михаил Шишкин*, ред. А. Скотница и Я. Свежий, Краков 2017.
- Сыродеева А.А., *Полифония как принцип целостности*, „Вопросы философии” 2008, № 3.
- Тит Лукреций Кар, *О природе вещей*, перев. Ф.А. Петровского, [online:] https://nsu.ru/classics/bibliotheca/lucretius.htm#%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B0_1.
- Шишкин М.П., *В лодке, нацарапанной на стене*, [в:] его же, *Пальто с хлястиком: Короткая проза, эссе*, Москва 2017.
- Шишкин М.П., *Венерин волос*, Москва 2005.
- Шишкин М.П., *Взятие Измаила*, Москва 2001.

- Шишкин М.П., „Написать свою Анну Каренину”. Интервью, „9 Канал”, 05.12.2010, [online:] <http://9tv.co.il/news/2010/12/05/89804.html>.
- Шишкин М.П., *Пальто с хлястиком*, [в:] его же, *Пальто с хлястиком: короткая проза, эссе*, Москва 2017.
- Шишкин М.П., *Письмовник*, Москва 2016, <https://doi.org/10.7868/S0031031X16020082>.
- Шишкин М.П., „Смерть, как жизнь, внесловесна”, [online:] <http://www.timeout.ru/msk/feature/15073>.
- Шишкин М.П., *Человек как объяснение света в любви*, [в:] его же, *Пальто с хлястиком: Короткая проза, эссе*, Москва 2017.
- Barbour J., *Koniec czasu. Nowa rewolucja w fizyce*, перев. T. Lenczewski, Kraków 2018.
- Buczyńska-Garewicz H., *Metafizyczne rozważania o czasie. Idea czasu w filozofii i literaturze*, Kraków 2003.
- Lloyd G.E.R., *Czas w myśli greckiej*, перев. B. Chwedeńczuk, [в:] *Czas w kulturze*, ред. A. Zajączkowski, Warszawa 1988.
- Łukasik A., *Czas i wieczność w filozofii przyrody*, „Ethos” 2012, № 99.
- Mitrowski G., *Kosmos – Bóg – Czas*, Katowice 1993.
- Neher A., *Wizja czasu i historii w kulturze żydowskiej*, перев. B. Chwedeńczuk, [в:] *Czas w kulturze*, ред. A. Zajączkowski, Warszawa 1988.
- Tyszkowska-Kasprzak E., „Смерти ведь – и дурак знает – нет, но есть разложение тканей”. Телесный аспект смерти в прозе Михаила Шишкина, „Slavica Wratislaviensia” № 167, (2018).

Informacja o Autorce

Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak (Эльжбета Тышковска-Каспжак) – doktor habilitowany, profesor Uniwersytetu Wrocławskiego; Instytut Filologii Słowiańskiej, Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej.
e-mail: elzbieta.tyszkowska-kasprzak@uwr.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0001-8297-0630>

Utrwalone w świadomości Rosjan wyobrażenia o istocie czasu, odzwierciedlone w ich dziełach artystycznych, w myśli filozoficznej i teologicznej, w praktykach społecznych, rytuałach, mitach, w przeświadczeniach o naturze codzienności, stanowią materiał dla refleksji podjętej przez autorów tomu *Czas w kulturze rosyjskiej. Время в русской культуре*.

Rosyjskie doświadczanie i konceptualizowanie czasu analizowane jest z perspektywy kulturoznawstwa, filozofii, literaturoznawstwa, filmoznawstwa, językoznawstwa, folklorystyki, politologii i historii.

Rozważania o swoistym dla Rosjan odczuwaniu czasu, myśleniu o nim i jego wyobrażeniach, przedstawione zostały w rozdziałach poświęconych następującym zagadnieniom: czas w języku – język w czasie; sakralne i mitologiczne rytmy czasu; konceptualizacje czasu w rosyjskiej myśli teologicznej i filozoficznej; kulturoznawcze i historyczne ujęcia czasu; czas jako aspekt życia społecznego; temporalne aspekty literackiego obrazu świata.

W niniejszym tomie swoimi refleksjami dzielą się badacze reprezentujący uniwersytety i centra badawcze z siedmiu krajów.

